

DOI 10.24412/2686-7702-2023-2-6-16

Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях

Г.Д. Паксютов

Аннотация. В статье рассматривается место «ядра» АТР (Восточная и Юго-Восточная Азия) в экономической стратегии Японии. Обосновывается, что регион занял в ней ключевое место во время второго срока пребывания на посту премьер-министра Абэ Синдзо (с конца 2012 г.) и как следствие экономического возвышения Китая и стран АСЕАН, в том числе выдвижения китайской инициативы «Пояс и путь». В качестве альтернативы для китайских инфраструктурных проектов Япония предложила «Партнёрство для качественной инфраструктуры». Её экономическая стратегия в регионе тесно сопряжена с более широким стратегическим видением страны, в частности, концепцией «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Япония позиционирует себя как посредника во взаимодействии между развитыми и развивающимися государствами Азии. При этом её участие в региональной экономической интеграции в немалой степени зависит от динамики отношений между Китаем и США.

Ключевые слова: партнёрство, инфраструктура, свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион, ВРЭП, ВПТПП, Пояс и путь, экономическая интеграция в Азии.

Автор: Паксютов Георгий Давидович, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FMSF-2021-0003/0170-2021-0003 «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы»).

Для цитирования: Паксютов Г.Д. Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. С. 6–16. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-6-16

Japan's economic activity in Asia-Pacific: evolving strategy for the changing circumstances

G.D. Paksyutov

Abstract. The article analyzes the place of Asia-Pacific (understood as East and South East Asia) in Japan's economic strategy. We show that the region has occupied a crucial place in Japan's strategy at the time of Abe's second term as the country's prime minister (which started in late 2012) as a result of the rapid economic growth in China and ASEAN, and, in particular, as a reaction for China's "Belt and Road

Initiative". Japan's "Partnership for Quality Infrastructure" is the country's principal alternative for China's infrastructure projects. Japan's regional economic strategy is closely intertwined with the country's broader strategic vision, including such projects as "Free and Open Indo-Pacific". Japan presents itself as an intermediary between the developed and the developing countries of Asia. Its role in the regional economic integration depends in large part on the dynamics of China and the US' bilateral relations.

Keywords: partnership, infrastructure, Free and Open Indo-Pacific, RCEP, CPTTP, Belt and Road, economic integration in Asia.

Author: Paksyutov Georgy D., Senior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0003/0170-2021-0003 "Japan's relations with East Asian countries: problems, trends, prospects").

For citation: Paksyutov G.D. (2023). Ekonomicheskaya aktivnost' Yaponii v ATR: evolyuciya strategii v menyayushchihsya usloviyah [Japan's economic activity in Asia-Pacific: evolving strategy for the changing circumstances]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2023, 2: 6–16. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-6-16

Активизация Японии в АТР¹

Первые два десятилетия XXI в. – это время стремительного роста и структурного усложнения многих национальных экономик азиатского континента, создания комплекса новых цепочек добавленной стоимости и экономических связей между ними.

Флагманом экономического развития АТР является Китай, на который приходится больше 50 % совокупного ВВП региона и который является главным торговым партнёром для каждой другой страны в регионе [Bu, Wu 2022: 3, 5]. Быстрый и устойчивый рост китайской экономики особенно впечатляет на фоне мирового финансового кризиса 2007–2008 гг. и последовавшей затяжной экономической рецессии, нанёсшей существенный урон западным экономикам. Этот контраст укрепил многих в убеждении, что центр глобальной экономики перемещается с Запада в Азию [Bu, Wu 2022: 6].

В табл. 1 показаны объём ВВП и вклад в мировой ВВП Восточной и Юго-Восточной Азии (страны АСЕАН и Восточный Тимор) в сравнении с аналогичными показателями государств Евросоюза и США. Как можно видеть, Восточная Азия – важнейший для мировой экономики регион: на неё приходится более 25 % мирового ВВП, а её вклад в рост глобального ВВП в 2011–2021 гг. составил более 42 %. Юго-Восточная Азия также демонстрирует экономический рост, заметно опережающий среднемировые темпы. За период 2000–2021 гг. её удельный вес в мировой экономике увеличился примерно с 1,8 % до 3,5 %².

¹ Термин «Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР) в данной статье используется в его узком смысле – Восточная и Юго-Восточная Азия [Торопчин 2020: 94]. Аналогичный подход применяется в монографии Н. Бу и Т. Ву [Bu, Wu 2022]. Термин «АТР» может использоваться в различных значениях и остаётся дискуссионным [Торопчин 2020: 92]. Выбранный нами вариант не имеет для нас принципиального концептуального значения; важно, что страны, находящиеся в фокусе внимания, в любом случае являются ядром АТР и имеют принципиальное значение с точки зрения глобальных экономических трендов.

² GDP (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 08.04.2023).

Таблица 1. Номинальный ВВП (трлн долл. США, 2021), доля в мировом ВВП (% , 2021), рост ВВП за 2011–2021 гг. (%) и доля в росте мирового ВВП за 2011–2021 гг. (%) некоторых регионов мира

Территория	ВВП (номинальный, в трлн долл. США)	Доля в мировом ВВП	Рост ВВП, 2011–2021	Вклад территории в рост мирового ВВП, 2011–2021
Юго-Восточная Азия	3,35	3,5	43	4,4
Восточная Азия ³	24,9	25,8	62,4	42,2
АТР	28,25	29,3	59,8	46,6
Европейский союз	17,18	17,8	9	6,2
США	23,32	24,2	49,5	34
Мир	96,53	100	30,7	100

Источник: GDP (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 08.04.2023).

Интенсификация интеграционных процессов, взаимное снятие торговых и инвестиционных барьеров между странами АТР стали естественным следствием того, что экономика большинства этих стран является экспортно-ориентированной [Bu, Wu 2022: 5]. В последние годы архитектура экономических связей в регионе определяется двумя интеграционными проектами: Всеобъемлющим и прогрессивным соглашением о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТП) и Всеобъемлющим региональным экономическим партнёрством (ВРЭП), лидером которого является Китай.

Разумеется, Япония – страна с третьей по величине экономикой мира, традиционно претендующая на позицию регионального лидера, – не может оставаться в стороне от данных процессов, тем более что инвестиционное и торговое продвижение на растущие рынки региона может способствовать ревитализации её собственного экономического роста.

Таблица 2. Показатели торговли Японии – экспорт в страну или на территорию и импорт из неё (в млрд долл. США) и её доля в совокупном экспорте и импорте (в %), 2021 г.

Страна или территория	Экспорт	Импорт	Доля в экспорте	Доля в импорте
Азия	439,6	375,2	57,9	48,5
Восточная Азия ⁴	307,4	253	40,5	32,6
АСЕАН	113,8	114	15	14,7
Европейский союз	70,1	86,3	9,2	11,1
США	135,3	81,4	17,8	10,5

Источник: Japan's International Trade in Goods. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/statistics/data/gaikyo2021cy_e_fix.xls (дата обращения: 06.04.2023).

³ Здесь: КНР (включая Гонконг и Макао), Монголия, Южная Корея и Япония. Всемирный Банк не приводит статистики о ВВП КНДР.

⁴ Здесь: материковый Китай, включая Гонконг, Тайвань, Южная Корея и Монголия.

Табл. 2 демонстрирует удельный вес некоторых регионов во внешней торговле Японии в 2021 г., в которой важнейшую роль играет Восточная Азия. При этом большой объём и у торговых отношений Японии с АСЕАН – даже больше, чем с Евросоюзом.

Исследователи обычно связывают активизацию японской экономической политики в АТР со вторым сроком С. Абэ на посту премьер-министра (с декабря 2012 г.), когда была принята комплексная стратегия экономического развития страны – так называемая «абэномика». Одной из её важных составляющих, помимо монетарных и фискальных инструментов, стали структурные реформы, включающие в себя либерализацию внешнеэкономических связей и продвижение соглашений о свободной торговле [Cuesta 2020: 13]. Однако увеличение удельного веса Азии в глобальной экономике нашло отражение в японских стратегических документах ещё раньше. Так, в принятой кабинетом министров в 2010 г. «Новой стратегии роста» одним из основных потенциальных источников возобновления экономического развития Японии было названо взаимодействие с динамично развивающимися азиатскими странами⁵. В частности, в документе отмечалось, что эти государства будут нуждаться в совершенствовании инфраструктуры и Япония может успешно предоставить им услуги в данной сфере⁶. В тексте документа как один из стратегических приоритетов обозначен следующий: «устранение барьеров для потока людей, товаров и денег» между Японией и другими странами Азии, а также наращивание экспорта в данные страны японского «контента», культурных благ, медиа и другой продукции «креативных индустрий»⁷.

Во второй срок правления премьера Абэ Азиатско-Тихоокеанский регион действительно приобрёл ведущее место в японской экономической стратегии. В этот период наращивание внешнеэкономической активности Японии в регионе, включая переговоры по интеграционным соглашениям, было столь заметным, что Абэ называют «архитектором активной внешнеэкономической политики Японии» [Katada 2020a: 150]. Показательно, что в своём выступлении на инвестиционном форуме Shangri-La в мае 2014 г. Абэ назвал пространство «от Тихого до Индийского океана» «выдающимся центром роста», причём особенно подчеркнул значение, которое для Японии (и развития региона в целом) имеет сотрудничество с АСЕАН⁸.

Тогда же появлялись и новые вызовы, на которые Япония должна была давать стратегический ответ. В 2013 г. была запущена китайская инициатива «Пояс и путь», и в сопряжении с ней было предложено создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, АИВ), начавшего деятельность в 2016 г. Этот банк составил серьёзную конкуренцию Азиатскому банку развития (Asian Development Bank), лидирующую роль в котором играет Япония. В 2015 г. в качестве реакции на создание АИВ, потенциально консолидирующего ведущую позицию Китая в регионе, кабинет Абэ предложил «Партнёрство для качественной инфраструктуры». В рамках данной инициативы

⁵ On the New Growth Strategy // Cabinet Secretariat. 18.06.2010. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/npu/policy04/pdf/20100706/20100706_newgrowstrategy.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Keynote Address by PM Abe (Shangri-La Dialogue) // Embassy of Japan in the United States of America. 30.05.2014. URL: <https://www.us.emb-japan.go.jp/english/html/pm-abe-iiss-2014-address.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

Япония планировала предоставить в течение 5 лет инвестиции на развитие инфраструктуры в странах Азии в объёме 110 млрд долл. США⁹. Под «качественной инфраструктурой» здесь понимается такая, которую отличают низкие издержки на эксплуатацию, безопасность, устойчивость перед стихийными бедствиями; при создании инфраструктурных объектов должно учитываться их экологическое и социальное влияние¹⁰. По формулировке К. Дои, хотя Япония, как и развитые страны Запада, считается «традиционным донором», предоставляющим официальную помощь в целях развития, отличие Японии от Запада состоит в том, что если западные страны обычно предоставляют средства на социальные проекты (в сфере образования, здравоохранения и др.), то японские инвестиции и помощь развитию направляются на создание «материальной» инфраструктуры¹¹.

В марте 2017 г. по решению Д. Трампа США вышли из соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве. В марте 2018 г. было подписано и в декабре того же года вступило в силу Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве – формат, объединяющий 11 стран без участия США. Япония присоединилась к ВПТТП, несмотря на долгие колебания, связанные со стремлением защитить некоторые отрасли собственной экономики от внешней конкуренции и неоднозначными оценками того, насколько данный интеграционный проект остаётся привлекательным без США [Мищенко 2020: 161–162]. По мнению исследователя С. Гото, выход Вашингтона из ТТП предоставил Японии «беспрецедентные возможности» для того, чтобы «взять лидерство» в формировании экономического и институционального порядка в регионе [Goto 2020: 144].

В июне 2017 г. Абэ в одном из своих выступлений впервые чётко выразил готовность Японии участвовать в инициативе «Пояс и путь»; по словам премьер-министра, данный проект может «соединить Восток и Запад»¹². В том же выступлении Абэ отметил условия участия Японии: процедура финансирования инфраструктурных проектов должна быть «честной и открытой», а сами проекты – «экономически эффективны», они не должны нести риски для финансовой стабильности стран-реципиентов¹³. Данное выступление, последовавшее вскоре после выхода США из ТТП, можно рассматривать как попытку японского лидера балансировать между США и Китаем, прагматически использовать экономическое и политическое соперничество между двумя державами в качестве «рычага» в переговорах с ними.

Весьма примечательно, что другая широко обсуждаемая в мире японская внешняя стратегия Cool Japan – наращивания «мягкой силы» и продвижения за рубеж продукции национальных креативных отраслей – уделяет ключевое внимание именно Азиатско-Тихоокеанскому региону. Так, в одном из официальных документов стратегии подчёркивается, что глобальный рынок культурных благ «ожидает быстрый рост, особенно в развивающихся странах Азии», а стратегия Cool Japan обладает особым потенциалом

⁹ Partnership for Quality Infrastructure // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000117998.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Wang Z. What China can learn from Japan's Quality Infrastructure Investment. Pekingnology. 01.09.2022. URL: <https://www.pekingnology.com/p/what-china-can-learn-from-japans> (дата обращения: 07.04.2023).

¹² Chen L., Wang F. Japan's Abe Signals Support for China's 'Belt and Road' Initiative // Caixin Global. 06.06.2017. URL: <https://www.caixinglobal.com/2017-06-06/japans-abe-signals-support-for-chinas-belt-and-road-initiative-101098774.html> (дата обращения: 07.04.2023).

¹³ Ibid.

в азиатских странах, потому что в них «быстро растёт» размер среднего и высшего социального класса¹⁴.

Несмотря на пандемию коронавируса, оказавшую негативное влияние на глобальную экономическую конъюнктуру в 2020–2021 гг., в том числе в сфере продвижения интеграционных соглашений¹⁵, и растущую международную политическую напряжённость, обозреватели подчёркивают, что в целом сохраняется преемственность в региональной экономической стратегии между кабинетами Абэ, Суга и Кисида [Koga 2022: 12]. В текущий период, однако, усиливающиеся трения между США и КНР оказывают влияние на позиционирование Японии в международном поле, о чём ниже будет сказано подробнее.

Япония как посредник между развивающимися и развитыми странами

Важно отметить, что экономическая активность Японии в регионе, включая «Партнёрство для качественной инфраструктуры», сопряжена со стратегией «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»¹⁶ [Cuesta 2020]. Изначально выдвинутая в срок правления С. Абэ, она получила дальнейшее развитие при премьер-министре Ф. Кисиды. Идеологическое измерение в этой стратегии¹⁷ сочетается с проектом экономического развития, в значительной степени основанном на растущем экономическом потенциале Южной и Юго-Восточной Азии. В правительственных документах, посвящённых «Свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону», подчёркивается, что экономический рост в Азии придаёт её странам «уверенность» и «лидерство», а также географически и экономически центральное место АСЕАН в проекте¹⁸. Акцент, который в стратегии делается на сотрудничестве с АСЕАН, явно свидетельствует о стремлении Японии составить конкуренцию инициативе «Пояс и путь» и в целом экономическому влиянию Китая в динамично растущих странах Юго-Восточной Азии, что отнюдь не всегда удавалось в прошлом (к примеру, в 2015 г. китайские подрядчики получили крупный контракт на строительство высокоскоростной железной дороги Джакарта-Бандунг в Индонезии, на который претендовала также и Япония [Koga 2022: 12]).

¹⁴ Cool Japan Strategy // Ministry of Economy, Trade and Industry. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/121016_01a.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁵ В частности, как отмечает К. Кога, пандемия COVID-19 нанесла ущерб переговорам по инвестициям Японии в инфраструктуру стран АСЕАН [Koga 2022: 16]. Впрочем, в связи с этим необходимо заметить, что в ситуации пандемии Япония активно развернула «вакцинную дипломатию», предоставляя медицинское оборудование и другую гуманитарную помощь, получателями значительной части которой стали как раз страны АСЕАН. В свою очередь, эта поддержка «укрепила образ Японии как надёжного партнёра для стран Юго-Восточной Азии», что даёт возможность для расширения экономического сотрудничества [Misalucha-Willoughby, Palma 2022: 49].

¹⁶ Japan's effort for a 'Free and open Indo-Pacific' // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁷ О стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и её ценностном измерении см. [Стрельцов 2019]. Необходимо иметь в виду, что идеологическое наполнение стратегии («демократия», «верховенство закона», «права человека», см.: New Plan for a Free and Open Indo-Pacific (FOIP) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100484658.pdf> (дата обращения: 07.04.2023)) неразрывно связано с определённым видением системы безопасности в регионе. Так, Д.В. Стрельцов связывает идею «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и формат QUAD [Стрельцов 2019: 43].

¹⁸ Free and Open Indo-Pacific // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

Итак, в экономической стратегии Японии в АТР можно выделить два взаимодополняющих фактора: стремление извлечь дивиденды из сотрудничества с быстро развивающимися экономиками региона и продвижение «национального бренда» Японии как страны высоких технологий и современных общественных институтов, своего рода образца успешной модернизации для государств Азии. При этом важно, что Япония позиционирует себя как страну, причастную к азиатской идентичности и культуре, со специфической моделью развития – иными словами, как некий «мост» между развитыми и развивающимися странами, Западом и Востоком (по формулировке С. Катада, «в отличие от США, которые требуют либерализацию и резкие экономические реформы, Япония, основываясь на своём опыте догоняющего развития, понимает сложность этого процесса» [Katada 2020a: 151]). В эту схему вписывается и вышеупомянутое намерение Токио наращивать экспорт в азиатские страны японского «креативного контента» (в рамках стратегии Cool Japan): экспорт медиа и культурных благ не только создаёт позитивный образ Японии, но и способствует её позиционированию как современной нации, эффективно совмещающей наукоёмкое промышленное производство и постиндустриальную «экономику контента».

В целом, вышеописанная картина вполне соответствует традиционному стратегическому и идейному позиционированию Японии как страны, обладающей уникальной способностью к заимствованию и адаптации различных культурных элементов и технологий, что в свою очередь восходит к лозунгу эпохи Мэйдзи – *вакон ёсай* (和魂洋才, «японский дух, западные технологии») [Iwabuchi 2002: 54–55]. Формула *вакон ёсай* как привлекательная черта и фактор культурного и экономического успеха Японии напрямую используется в современных японских стратегических документах¹⁹.

Почему лозунг 150-летней давности вновь актуализирован? Если первоначально он соответствовал образу Японии как азиатской страны, способной на модернизацию западного типа, то теперь, в эпоху экономического возвышения стран Восточной и Юго-Восточной Азии, в нём первоочередную важность приобретает составляющая, подчёркивающая сохранение самобытного национального духа и причастность к азиатской идентичности, в свете чего естественным выглядит и более активное участие Японии в региональных интеграционных процессах.

Риски «торговой войны»

«Торговая война» и нарастание политической напряжённости между США и Китаем оказывают на экономику региона существенное влияние: увеличиваются риски разрыва международных цепочек добавленной стоимости, что является особенно негативным фактором для тесно интегрированных между собой экономик АТР.

Несмотря на очевидные риски, которые данная ситуация представляет для Японии, некоторые обозреватели (во всяком случае, на первом этапе напряжённости в отношениях между КНР и США, в президентский срок Трампа) высказывались о том, что Токио может использовать ситуацию с выгодой для себя. Так, Катада Саори в книге о геоэкономической стратегии Японии пишет: «Положение Японии между двумя соперничающими державами

¹⁹ См., например: 日本のお話編集のためのガイド [Рекомендации по редактированию японских историй] // Cabinet Office. (На яп.). URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/report/pdf/vision_2.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

предоставляет ей редкие стратегические возможности. Благодаря тесным экономическим связям страны с США, Китаем, а также с Юго-Восточной Азией Япония находится в уникальной позиции влияния и власти» [Katada 2020b: 75–76].

По оценке профессора Азиатско-Тихоокеанского университета Ритсумэйкан (Ritsumeikan Asia Pacific University) Ё. Сато, благоприятным для Японии является не «совмещение торговой политики с военной стратегией сдерживания Китая», которое продвигают США, а балансирование между Китаем и США. Используя переговорные площадки ВРЭП и ВПТПП, Япония могла бы попытаться получить экономические преференции от обеих стран [Sato 2019: 115]. Сато подчёркивает, что для Японии желательны не двусторонние переговоры с США по свободной торговле, в которых Вашингтон может применять имеющиеся рычаги влияния для заключения более выгодной сделки, а включение США в более широкий азиатско-тихоокеанский интеграционный формат (например, ВПТПП) [Sato 2019: 115].

Подобные рассуждения исходят из предпосылки, что на первом месте в японской стратегии стоит национальный интерес, а не блоковая принадлежность. В таком случае, действительно, Япония была бы заинтересована не в переносе логики военно-политического противостояния на экономические отношения, а в поиске более нюансированного подхода.

В связи с этим примечательны комментарии японских экономистов относительно текущего масштабного торгово-экономического взаимодействия с КНР. По оценке профессора университета Кобе К. Кадзитани, начатая в президентский срок Д. Трампа торговая война между США и Китаем, в значительной степени сделавшая экономические отношения между странами сферой политической борьбы, порождает растущие экономические риски: «безопасность имеет первостепенное значение, а экономика – второстепенное... правительства используют фактор экономической безопасности, чтобы изолировать Китай»²⁰.

Экономисты Т. Ито и Т. Хоси, комментируя тот факт, что с 2010-х гг. Китай стал основным торговым партнёром Японии, опередив США, прибегают к «гравитационной модели» Яна Тинбергена²¹ [Ito, Hoshi 2020: 441]. Ито и Хоси утверждают: так как Китай «значительно ближе» к Японии, чем США, по мере роста китайской экономики его преобладание как торгового партнёра Японии стало «естественным следствием» «гравитационной модели» [Ito, Hoshi 2020: 441–442]. Экономисты прямо называют «аномалией» снижение в отдельные годы японского экспорта в Китай, вызванное политическими трениями между странами [Ito, Hoshi 2020: 442].

Представители японского бизнеса также не спешат отказываться от сотрудничества с КНР: согласно опросу JETRO (Japan External Trade Organization – Японская организация содействия развитию внешней торговли) за 2022 г., проведённому среди японских компаний, функционирующих в Китае, сократить или полностью прекратить своё присутствие в стране

²⁰ Nagata K. Japan and China's 'hot' economic ties increasingly complex // The Japan Times. 26.09.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/26/business/japan-china-50-years-economic-ties/> (дата обращения: 07.04.2023).

²¹ Согласно «гравитационной модели» Тинбергена, объём торговли между двумя странами прямо пропорционален размеру их экономик (который обычно выражается величиной ВВП) и обратно пропорционален «дистанции» между странами [Tinbergen 1962].

в течение ближайших двух лет планирует 6,3 % респондентов (для сравнения, для Франции аналогичный показатель составляет 9,5 %) ²².

Есть ли у сегодняшнего Токио политическая воля и желание оставаться самостоятельной третьей стороной при противостоянии Пекина и Вашингтона? Кисида Фумио в речи под названием «Будущее Индо-Тихоокеанского региона», произнесённой в Нью-Дели в марте 2023 г., неоднократно отмечал роль США в японской стратегии, и, хотя Китай (что само по себе показательно) не был упомянут ни разу, премьер несколько раз осудил попытки «изменить статус-кво... экономическим принуждением» ²³. Кисида недвусмысленно сигнализирует о том, что в стратегической конкуренции КНР и США позиция Японии заранее предрешена. Об этом же свидетельствуют и такие меры, как принятые Токио в конце марта 2023 г. новые ограничения на экспорт из Японии ряда материалов и технологий, связанных с полупроводниковой индустрией, ставшие результатом лоббирования со стороны США в целях изолировать и ослабить китайских производителей микросхем ²⁴.

Отметим, что данные ограничения были введены вскоре после поездки президента Южной Кореи Юн Сок Ёля в Японию (16–17 марта 2023 г.), в ходе которой были достигнуты результаты, способствующие снятию барьеров в экономических отношениях между двумя странами ²⁵.

Поводом для нового витка напряжённости между государствами стали проблемы исторического прошлого: обозреватели даже говорили о «торговой войне» между Японией и Южной Кореей, начавшейся в 2019 г., сравнимой по накалу с «торговой войной» между Китаем и США [Shin 2020: 1]. Японское правительство летом 2019 г. ввело ограничения на экспорт в Корейскую республику нескольких видов химических продуктов и материалов, принципиально важных для производства полупроводников; в ответ Южная Корея убрала Японию из списка приоритетных торговых партнёров, в стране имели место и масштабные бойкоты японских товаров, оказавшие существенное негативное влияние на японо-корейскую торговлю [Shin 2020]. Наметившееся потепление отношений и восстановление торгово-экономических связей (в ходе поездки Юн Сок Ёля было объявлено о снятии экспортных ограничений и взаимном восстановлении в списках приоритетных торговых партнёров) можно рассматривать как меру по контролю над рисками, связанными с возможным «декаплингом» Японии и Китая и разрывом соответствующих глобальных цепочек добавленной стоимости. Индустрия полупроводников в связи с этим находится в центре внимания ввиду возможного принятия дальнейших санкций США и их союзниками против высокотехнологичного сектора экономики Китая.

²² Survey of Business Conditions of Japanese Affiliated Companies Overseas: Global Edition // JETRO. 24.11.2022. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2022/rp_global2022.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

²³ Keynote Speech by Prime Minister Kishida Fumio // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 20.03.2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100477791.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

²⁴ Hyuga T., Furukawa Y. Japan tightens chip gear exports as U.S. seeks to contain China // The Japan Times. 31.03.2023. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/03/31/business/japan-joins-us-chip-export-control/> (дата обращения: 07.04.2023).

²⁵ Давыдов О.В. Южная Корея и Япония открывают новую главу в двусторонних отношениях // ИМЭМО РАН. 20.03.2023. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/yuzhnaya-koreya-i-yaponiya-otkrivayut-novuyu-glavu-v-dvustoronnih-otnosheniyah> (дата обращения: 08.04.2023).

* * *

Экономические отношения и деловое присутствие Японии в АТР – слишком масштабная тема, чтобы её можно было детально раскрыть в объёме одной статьи. Важно помнить, что внешнеэкономическую деятельность ведут акторы разных уровней (государственные структуры, крупные компании, представители малого и среднего бизнеса и индивидуальные граждане), которые в принципе могут иметь весьма различные интересы. В данной статье мы лишь попытались указать на некоторые общие тренды в экономической активности Японии в регионе и связанные с ними стратегические установки японского правительства.

В последнее десятилетие АТР (в частности, страны АСЕАН) приобрёл ключевое место в японской внешнеэкономической стратегии, что естественным образом связано с динамичным экономическим ростом в регионе. Географическая и культурная приближённость Японии к его странам предоставляет возможности для того, чтобы извлечь выгоду из их экономического развития, в том числе посредством продвижения имеющих долгосрочное значение инфраструктурных инвестиционных проектов.

Экономическое позиционирование страны в АТР тесно связано с более широким стратегическим видением Японии, такими проектами, как «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион». Отсюда вытекают растущие риски экономической конфронтации с КНР, которая стремится занять в регионе лидирующую позицию. Сценарий обострения глобальной политической напряжённости, при котором станет неизбежным «декаплинг» – разрыв экономических связей между Китаем и Японией, а также другими союзниками США, является для стран региона наименее благоприятным ввиду тесной интеграции их экспортно-ориентированных экономик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Мищенко Я.В. Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы // Ежегодник Япония. 2020. Т. 49. С. 157–174. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10006
- Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9. С. 38–49. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49
- Торопчин Г.В. АТР или ИТР? Территориальные рамки и смысловое наполнение // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 89–103. DOI: 10.31857/S013128120012463-0

REFERENCES

- Mishchenko Ya.V. (2020). Yaponiya v regional'noy integracii: vyzovy, zadachi i perspektivy [Japan in Regional Integration: Problems, Challenges, and Prospects]. *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*, vol. 49: 157–174. (In Russian). DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10006
- Streltsov D.V. (2019). Yaponskiy regionalizm epohi Sindzo Abe cherez prizmu cennostnogo podhoda [Japanese Regionalism in the Era of Shinzo Abe through the Prism of Value Approach]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 9: 38–49. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49

Toropchin G.V. (2020). ATR ili ITR? Territorial'nye ramki i smyslovoe napolnenie [Asia-Pacific or Indo-Pacific? Territorial framework and semantic context]. *Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Studies]*, 5: 89–103. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120012463-0

* * *

Bu N., Wu T. (2022). The Asia-Pacific region: The new center of gravity for international business. In: *International Business in the New Asia-Pacific: Strategies, Opportunities and Threats*. Cham: Springer, pp. 3–29. DOI: 10.1007/978-3-030-87621-0

Cuesta B.L. (2020). *Japan and the Vision of a Free and Open Indo-Pacific*. Madrid: Instituto Español de Estudios Estratégicos, 20 p.

Goto S. (2020). Repositioning Japan's Narrative as the Economic Order Evolves. *Asia Policy*, 27(4): 143–145. DOI: 10.1353/asp.2020.0054

Ito T., Hoshi T. (2020). *The Japanese Economy* (Second Edition). Cambridge and London: The MIT Press, 643 p.

Iwabuchi K. (2002). *Recentering Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism*. Durham and London: Duke University Press, 276 p.

Katada N.S. (2020a). Author's Response: Positioning Japan's State in a New Regional Reality. *Asia Policy*, 15(4): 150–154. DOI: 10.1353/asp.2020.0056

Katada N.S. (2020b). *Japan's New Regional Reality: Geoeconomic Strategy in the Asia-Pacific*. New York: Columbia University Press, 347 p.

Koga K. (2022). Alternative Strategic Partner in Southeast Asia? The role of Japan in the US-China Rivalry. In: *Japan's Role for Southeast Asia Amidst the Great Power Competition*. Hanoi: Konrad-Adenauer-Stiftung, Vietnam Office, pp. 7–16.

Misalucha-Willoughby C., Palma L.M. (2022). Japan as a Fulcrum in Regional Dynamics: a Philippine Prospective. In: *Japan's Role for Southeast Asia Amidst the Great Power Competition*. Hanoi: Konrad-Adenauer-Stiftung, Vietnam Office, pp. 37–50.

Sato Y. (2019). Japan's Indo-Pacific Strategy: The Old Geography and the New Strategic Reality. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, 2(4): 107–119.

Shin S. (2020). *The Korea-Japan trade dispute: non-tariff barriers*. Ames: Iowa State University, 24 p.

Tinbergen J. (1962). *Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy*. New York: Twentieth Century Fund, 330 p.

Поступила в редакцию: 11.04.2023

Received: 11 April 2023

Принята к публикации: 19.04.2023

Accepted: 19 April 2023